

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

ХРИСТОС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНТРОПОСОФИИ

Из GA 214:

ПОЗНАНИЕ И ПОСВЯЩЕНИЕ

Лондон, 14 апреля 1922

Антропософия в том виде, как она мною представляется, создаётся для нашего времени на тех же основах, что и всякая наука инициации (или посвящения) для любой другой эпохи. Но человечество в процессе развития претерпело многообразные изменения, связанные с состоянием душевной структуры человека. Каждая эпоха выдвигает свою особую, главную сторону души. И в зависимости от неё создаётся так или иначе наука посвящения, стремящаяся к постижению вечного в человеческом существе и вечного в мире. Для нашего времени нужна иная наука посвящения, чем, например, для средних веков, для греческой античности или для ещё более далёких культурных эпох. Такой наукой посвящения, призванной удовлетворить потребности и жажду современной человеческой души, и хочет быть антропософия. В духе нашего времени она исходит из того, что человек с помощью естественнонаучных познаний не может познать ни собственной вечной души, ни вечного бытия вселенной. А также она исходит из того, что человек, обращаясь от внешней науки к самому себе и пытаясь мистически погрузиться в собственную душу, не может на этом пути прийти ни к каким удовлетворительным результатам. Ибо внешняя наука не поднимается до вечности, а погружение в себя приводит человека к мистическому верованию, но не к познанию, в котором нуждается современный человек.

Всё, что я наметил только что в нескольких словах, можно обосновать подробно. Но при этом я предполагаю, что здесь присутствуют лишь те уважаемые слушатели, которые на собственном опыте убедились в том, что внешнее естествознание не дало им никакого удовлетворительного познания ни их собственной вечной сущности, ни вечного бытия вселенной, когда они хотели получить реальные факты, а не одни только мистические иллюзии. Поэтому я предпочту говорить о том, в каком отношении антропософия стоит к естествознанию с одной стороны и к мистике, в которой её часто ищут - с другой. Исходя из душевного склада человека современной цивилизации, антропософия стремится к тому, что я назвал бы точным ясновидением, "точной просветлённостью". Именно потому, что антропософия стремится к этому, она встречает сегодня столько противников. Поэтому она с таким трудом находит понимание, хотя, по сути дела, все душевные силы современности пронизаны потребностью в антропософии. Почему же она не находит понимания? Не понимают её потому, что живущие в современном сознании суждения, восприятия и т.п. не дают людям осознать те требования, которые в наши дни уже живут в душе каждого человека.

Эти неопределённые стремления, эта неосознанная жажда требуют в наши дни более глубокого проникновения, более высокого познания вечного посредством совершенно особых упражнений, совсем особенного развития человеческой души и её познавательных способностей, но при этом эти упражнения, это развитие должны соответствовать тому, что привыкли считать сегодня методом точного познания, точного исследования. Антропософия хотела бы выступить перед современниками, приняв за образец точное естествознание и естественнонаучную добросовестность. А вместе с тем она хотела бы стать познанием и для всякой самой простой, самой наивной человеческой души, чтобы ни для кого не осталось недоступным то вечное и непреходящее, что живёт в каждом человеке. После этого подготовительного вступления я хотел бы сегодня перейти к описанию того пути познания, который избрала антропософия - современная наука посвящения.

Эта наука исходит прежде всего из того, что человек должен уяснить себе соотношение трех основных сил, составляющих его душевную жизнь. Обращая в повседневной жизни внимание на наши душевные состояния, мы обычно говорим о мышлении, чувствах и воле.

Говоря о мышлении и представлениях, мы понимаем, что именно эта способность делает нас ныне бодрствующими. Эта жизнь представлений умолкает во время сна, она умолкает с момента засыпания и до пробуждения. Тогда человеческое сознание находится в смутном состоянии. Мир представляется нам освещенным ясным светом лишь постольку, поскольку этот ясный свет мы в состоянии воспринять нашим обычным сознанием, когда оно пронизано бодрствующими представлениями.

Далее мы говорим о наших чувствах. Хотя внутренне они, быть может, по-человечески суть самое важное для нас, они нам менее ясны, чем представления. Они всплывают из неведомых глубин душевной жизни, освещаясь до некоторой степени нашими представлениями, нашими мыслями, но не пронизаны той же ясностью, как сами

представления.

А насколько же неясно - и об этом мы поговорим позднее - и темно всё, что связано с волевыми порывами. Я бы сказал, что они прорываются из неведомых глубин, пронизывают нас и побуждают к поступкам. И лишь в редчайших случаях мы можем точно сказать, что творится в нас, когда мы охвачены каким-либо волевым импульсом.

Эти три основные силы душевной жизни различаются по степени их ясности и по иным признакам. Однако, в душевной жизни человека они образуют единство. Мы можем сказать - жизнь представлений есть один полюс душевной жизни. Но, вместе с тем, мы знаем, что, связывая одно представление с другим, мы прибегаем к воле. Наша воля участвует в жизни наших представлений. Другой полюс - учитывая то, что чувство занимает промежуточное положение между обоими полюсами - эта наша волевая сущность, наши волевые порывы. Но мы не были бы людьми, если бы важнейшие поступки совершались нами неосознанно, если бы наша воля не побуждалась бы представлениями. Таким образом, мы можем сказать: с другой стороны и воля пронизана жизнью представлений. Образование, развитие жизни представлений - с одной стороны, жизнь воли - с другой и является полем деятельности того человека, который хочет в духе антропософии прийти к тому, что я назвал "точной просветлённостью".

Если мы хотим", чтобы перед нами раскрылись врата сверхчувственного мира, в который мы стремимся проникнуть, если мы, как люди, хотим познать нашу вечную сущность и вечное мира, то, с одной стороны, нам следует делать мыслительные упражнения, а с другой - волевые.

Мыслительные упражнения осуществляются благодаря тому, что мы осознаём, как волевое начало внедряется в мышление. Волевые же упражнения заключаются в осознании внедрения мысли в волю. Только в повседневной жизни мы не замечаем этого волевого начала. Чтобы прийти к современному посвящению, мы должны уметь осознавать это тихое, незаметное внедрение воли в жизнь представлений. Мы должны постепенно добиваться этого с помощью упражнений, описанных в моей книге "Как достигнуть познания высших миров". Именно на это я и хочу здесь указать: мы должны устранить то, что обычно считается важнейшим - наше мыслительное содержание и научиться сознательно применять в мышлении волю.

Это делается следующим образом (как я уже сказал, здесь я могу коснуться лишь основного принципа, всё остальное уважаемые слушатели найдут в "Тайноведении", "Как достигнуть познания высших миров" и в других книгах). Человек должен остановиться на каком-либо легко обозримом, полностью ясном представлении, подобном, я бы сказал, математическому треугольнику. Это представление ставится в центр мыслительного комплекса. Совершенно неважно, каково содержание такого представления. Важно, что таким образом мы всю свою душевную жизнь сосредотачиваем, концентрируем на этом комплекс представлений в мыслительной медитации. Мы должны освободиться от каких бы то ни было воздействий всего остального мира: так, чтобы для нашего сознания не существовало ничего помимо этого представления, помимо этого комплекса представлений. Чтобы это удалось, требуется сильное душевное напряжение. Но как укрепляется и усиливается отдельный мускул, если мы постоянно заставляем его работать, так при постоянной тренировке укрепляется и душевная сила. Одному человеку для этого нужны месяцы, другому - годы. Когда мы постоянно, со всей энергией сосредотачиваем всю душевную силу на каком-либо мысленном комплексе, на каком-либо представлении, то она через некоторое время укрепляется. Через некоторое время мы можем испытать, поначалу внутренне, потрясающее переживание. Это переживание будет состоять в том, что человек почувствует себя внутренне окрепшим, проникнутым энергией совершенно нового мышления, такого мышления, которым раньше не обладал. Достигнутое таким образом лучше всего описать в следующих словах.

Когда мы противопоставим повседневному миру, получаемые нами чувственные впечатления очень яркие и живы. Мы интенсивно переживаем эти чувственные впечатления, наши переживания красок, звуков, ощущений тепла и холода и прочих чувственных впечатлений отличаются особой насыщенностью. А наши мысли в повседневном сознании, напротив, бледны. Стоит только каждому припомнить, насколько призрачной жизнью его мысли по сравнению с чувственными представлениями. И вот, наконец, человек приходит к тому, что жизнь его мыслей становится настолько же яркой и живой, как и жизнь его чувственных впечатлений. Это составляет важный этап на пути человеческого познания, ибо тут жизнь мысли протекает не в одной плоскости, как в повседневном сознании, но выступает во всей образности, со всей внутренней насыщенностью, подобно внешним, чувственным впечатлениям. Теперь человек достигает такого мышления, которое, по сравнению с обычным абстрактным мышлением, можно назвать имагинативным: не потому что при этом можно

предаваться воображению или игре фантазии, а потому что при этом человек может "видеть" миры, о которых ему известно, что они живут в душе так же мимолетно, как сновидения. Но это не сновидения, а наполненные внутренней реальностью образы.

После того, как человек в течение некоторого времени научился жить в имагинативном мышлении, внутренне отдаваться ему всем своим существом, он находит, что, благодаря имагинативному мышлению, он погружается в до сей поры неведомую ему реальность. Потому что теперь он достигает первой ступени сверхчувственного мира. Благодаря имагинативному мышлению, человек постепенно постигает, что в нём "живёт" второй человек, такой же реальный, как и внешний, физический человек. Внешний, физический человек представляет собой пространственный организм с взаимосвязанными членами, где голова зависит от рук, руки - от головы, правая рука от левой. Организм же второго человека я назвал бы временным, непространственным. И этот организм предстает нашему душевному взору как величественная панорама. Если мы достаточно продвинуты в имагинативном познании, мы уже не обращаемся нашей памятью к отдельным событиям прошлого, но созерцаем всю нашу протекшую земную жизнь, начиная с первых детских лет. Мы оглядываемся назад, созерцая всё сразу как бы в отдельной, но единой картине, о которой нам известно, что она непространственная.

Если бы мы захотели запечатлеть эту картину, то должны были бы изобразить её как молнию, как нечто, что может быть зафиксировано на одно мгновение. Это и есть то, что я называю силообразующим, эфирным телом. Однако, зарисовать его не так просто, мы должны осознать, что рисуем лишь поперечное сечение временного организма. И вот мы видим, как в детстве мы обладали данными нам от рождения сверхчувственными силами, которые работали в нашем мозгу подобно скульптору и которые, исходя из мозга, нашли выход в дыхательный организм и систему кровообращения, всё дальше проникая в пространственный организм, вплоть до полного овладения им. Ребёнок постепенно всё больше и больше овладевает всем своим пространственным организмом с помощью временного организма, который мы научились постигать посредством имагинативного познания. Это эфирное тело заполняет нас по мере развития его сил. В обычном сознании мы не осознаём ни само эфирное, ни его воздействие. Мы учимся познавать, что из нас сложился человек с определённым характером, что один человек - я коснусь лишь отдельных подробностей - более или менее проявляет способности и склонности к живописи, а другой - к математике именно потому, что в нас работает нечто сверхчувственное. Так мы учимся распознавать первые признаки сверхчувственного. Путём систематической тренировки мыслительной способности можно с полной чёткостью в себе работать в себе точное ясновидение. И это - первая ступень сверхчувственного познания. Человек при этом подходит к восприятию первого сверхчувственного существа, которое доступно человеку - к своему сверхчувственному телу, которое он носит здесь, в этом земном, физически пространственном теле.

До сих пор я пытался представить, как человек достигает первого сверхчувственного познания посредством имагинации. И это сверхчувственное заключено сначала в физическом. Мы ещё не выходим при этом из нашего физического тела. Но уже в этом земном теле присутствует некая сверхчувственная часть, которую я здесь, хотя бы в основных принципиальных чертах, описал. Мы учимся познавать её посредством имагинативного познания. А теперь пойдём дальше. Мы установили, что можем, в известном смысле, подойти к высшей человеческой природе, к тому, что находится по ту сторону рождения и смерти - к вечной человеческой природе.

В обычной жизни внедрение воли в мыслительную способность, в силу мышления связано с наступлением имагинативного познания. Делая упражнения в обратном направлении, можно дальше продвинуться в сверхчувственный мир. Из повседневной жизни мы знаем, что для концентрации на каком-либо представлении или предмете нам необходимо выработать соответствующее внимание. Но при этом мы должны также овладеть способностью отключать внимание от того, на чем мы его сначала сконцентрировали. В этом и заключается переход к следующему упражнению.

Если человек, упражняя свою душевную силу путём систематической концентрации, достигает имагинативного познания, то затем, чтобы не задерживаться на данном представлении или на данном комплексе представлений, ему необходимо применить ещё большую душевную силу. Если человек хочет продвинуться на пути познания, он должен уметь применять эту ещё большую силу. Эта большая душевная сила необходима для того, чтобы он, развив в себе высокую жизненность мысли, мог при полном сознании совершенно произвольно выключить эту мысль из сознательной жизни, как бы освободить от неё своё сознание. Затем, продвигаясь всё дальше и дальше, человек приобретает способность удалять из сознания все включенные им в сознание и укрепленные путём концентрации и медитации представления и, наконец, научиться жить в полном бодрствующем состоянии, но с пустым сознанием.

Уясните себе, что значит: жить с пустым сознанием. Мы знаем, что когда в повседневной жизни мы не получаем никаких чувственных впечатлений, когда из глубины нашей души не поднимаются никакие воспоминания, то мы засыпаем, мы переходим в бессознательное состояние. Человек избегает этого путём укрепления жизни представлений и, затем, развития способности произвольно гасить эту укрепленную жизнь представлений. Тогда он не засыпает и продолжает жить в бодрствующем состоянии с пустым сознанием, готовый к восприятию того, что перед ним возникнет.

Сначала в нём не возникает никаких чувственных восприятий. Они погашены укрепленным мышлением. Точно также не всплывают перед этим укрепленным мышлением и воспоминания. Я уже сказал, что при имажинативном мышлении всё прошлое возникает перед нами не как воспоминание, а в виде панорамы. Мы можем обозреть её как-единое целое. Но теперь в наше сознание входит нечто совершенно новое, о чём мы не подозревали. Перед пустым сознанием возникает сверхчувственное окружение человека, в котором он живёт, как живёт среди красок, звуков и т.п. в обычной жизни. Теперь из всего окружающего как бы вспыхивают действительно духовные существа. Теперь мы видим не просто плывущие по небу и воспринимаемые физическим зрением облака, но во всех чувственных впечатлениях мы воспринимаем сверхчувственное. Перед нами не потусторонний мир, но этот, достигнутый путём инициации поистине сверхчувственный мир находится перед нами точно так же, как и наш чувственный мир. Погружаясь сознанием в этот сверхчувственный мир, человек познаёт новое мышление, новые представления. Он учится познавать представления, мышление независимые от обычного мышления, от нервной системы. Мы знаем: раньше мы должны были пользоваться нашей нервной системой, теперь же в нас живут мысли, для которых нам нет надобности пользоваться мозгом. Эти мысли входят в наше сознание только благодаря нашей душевной силе.

Достигнув этого, мы делаем и другие открытия, благодаря которым нам становится ясно, что из старого мышления мы развили мышление новое, с новыми переживаниями. Нам становится ясно, что это новое, независимое от мозга мышление несравнимо со старым, связанным с мозгом мышлением, ибо это новое мышление не обладает ни воспоминаниями, ни памятью. Как бы странно и парадоксально это не звучало, но никакого воспоминания об этом новом переживании у нас сначала не остаётся. Это иногда удивляет учеников, проходящих школу посвящения. При достижении некоторого ясновидения им кажется, что они могут сохранить в памяти, в воспоминаниях всё достигнутое благодаря этой новой способности, и подобно другим мыслям произвольно восстанавливать это в воспоминании, а когда убеждаются, что не в состоянии этого сделать, огорчаются. Ученик знает: он только что находился среди этого, а теперь не может вызвать об этом воспоминания в пределах собственной физической организации. Именно это и характерно для переживания не простой мысли, но сверхчувственной реальности. При переживании чего-либо чувственного я могу вспомнить мысли, которые связаны с моим чувственным переживанием. Я могу сохранять в памяти мысли о розе. Но если я хочу, чтобы роза вновь возникла передо мной во всём её великолепии, я должен снова обратиться к ней. Если путём напряжения развитых благодаря инициации способностей я снова захочу из моего обычного сознания достигнуть нового видения, чтобы передо мной вновь возникло то духовное переживание, я должен проделать все шаги, которые я проделал до того, как передо мной со всей яркостью чувственного восприятия возникло духовное переживание розы. Говорящий о духовном мире и сообщающий познания о нём не только на словах, но исходя из собственного опыта, знает, что, даже говоря о самых элементарных вещах, он должен каждый раз посредством точного ясновидения воссоздавать в душе нечто новое. Человек, излагающий свои наблюдения в области обычной науки, может извлекать их из памяти. Духовному же исследователю приходится заново проделывать весь путь, который однажды привёл его к данному переживанию. И тогда весь процесс должен быть воспроизведён заново как первоначальное переживание. Таким образом, условия духовного переживания совсем иные, чем для обычного сознания в повседневной жизни.

Для того, чтобы ориентироваться в духовных мирах, чтобы действительно воспринимать в духовно-сверхчувственном мире, мы должны обладать ещё одним особым свойством характера. Нам требуется то, что я назвал бы присутствием духа. Это свойство необходимо и в обычной жизни, чтобы при определённых обстоятельствах принять без колебаний конкретное решение. Чтобы вести наблюдения в сверхчувственном мире, необходимо упражняться в развитии этого свойства. Ибо без этого свойства, без присутствия духа мы не успевали бы схватывать переживаемое, мы осознавали бы духовное переживание с опозданием, когда оно уже прекратилось. Необычайная быстрота, скорость соображения - вот чем мы должны располагать в те моменты, когда достигаем свободного от мозга мышления.

И вот после того, как мы, достигнув в состоянии полного бодрствования пустого сознания,

приходим к восприятию сверхчувственных существ в нашем окружении, в нас возникает сила, которую в дальнейшем мы должны всё больше развивать. Развивая эту силу дальше, человек получает возможность погасить силообразующее эфирное тело. Он гасит не только отдельные представления, но и эфирное тело в целом. Тогда наступает в высшем смысле пустое сознание, и перед этим пустым сознанием возникает наша духовно-душевная жизнь, какой была она в духовно-душевном мире, прежде чем наша душа сошла из сверхчувственных миров в земное тело. Мы учимся познавать нашу жизнь до рождения тем родом познания, который я назвал бы инспирацией. Как через вдох в наши легкие извне поступает воздух, так и духовный мир через инспирацию проникает в ставшее пустым сознание. И тогда мы вдыхаем - в духовном смысле - духовные миры, какими мы знали их до нашего воплощения из духовных высот в земное бытие.

Так учимся мы познавать одну сторону нашей сущности, о другой стороне которой - духовном бессмертии - мы будем говорить в третьей части доклада. Бессмертие отрицает смерть. О "нерождённости" не говорят, но мы должны сказать о ней потому, что она и есть другая сторона человеческой души. Ведь если я не рождён как человек, значит я - бессмертен.

Антропософия в качестве современной науки инициации, науки посвящения, идёт иным путём, чем философия, которая, выводя заключения, пытается узнать что-либо дальше на основании уже известного. Антропософия стремится развить душу, поднимая её в познании на более высокую точку зрения. Когда душа достигает более высокого развития, чем в обычной жизни, она достигает, через созерцание, познания собственного вечного существа. В этом заключается одна сторона инспиративного познания, относящегося к нашей собственной человеческой сущности. Другую сторону я хотел бы представить следующим образом.

Благодаря инспиративному познанию мы учимся познавать также и внешний мир. Я могу здесь описать этот процесс лишь вкратце. Когда мы видим перед собой чувственный мир, например солнце, оно представляется нам, согласно обычной науке, в виде обособленного в пространстве тела. Но оно представляет собой лишь часть всего солнечного существа, в отношении человека мы говорим, что его духовно-душевное содержится внутри тела. В отношении же солнца мы вынуждены сказать, что сверхчувственное, духовное существо солнца находится вне солнца и заполняет своей солнечной сущностью всё мировое пространство. Всё, что ни есть вокруг в минералах, в растениях и в животных, что как солнечная сущность содержится в нас самих как людях - всё это мы видим физически сосредоточенным, когда направляем свой чувственный взор на солнце. Теперь же, посредством инспиративного познания, человек учится постигать солнечное в растении, в животном, в человеке. Человек познаёт это солнечное в каждом отдельном человеке - в легких, в сердце, в печени, в мозге и т.п. Но мы познаём не только эту солнечную сущность, но и духовную сущность всех прочих внешних явлений. Как солнце не ограничено только резкими контурами, так обстоит дело и с луной. Внешняя, физическая луна есть лишь её физическое средоточие, тогда как её духовная сущность пронизывает всё пространство. В наши время такие вещи считаются суевериями. А, между тем, эти факты относятся к области точной науки, нужно лишь научиться их прозревать. Растения, животные и люди - поскольку они наделены физической организацией - предстают нам частью внешнего физического космоса; но, благодаря инспирации, мы учимся познавать их внутреннее существо. Так же познаём мы и отдельную человеческую руку, легкие, печень и т.д. В них продолжают жить солнечное и лунное существа: солнечное существо живёт во всем прорастающем, во всем растущим и созревающим; лунное - во всём, что представляется нам как деградация, как упадок. Мы не могли бы жить без солнечных и лунных сил. Направляя взор на поступательное солнечное развитие или разрушительное лунное, мы учимся познавать во внешнем мире солнечную и лунную сущности. Но мы учимся постигать во внешнем мире и болезнь. Мы узнаём, как в большом органе преобладает солнечная или лунная сущность. Мы учимся понимать, как человек, под влиянием космических сил, может потерять здоровье. А также мы учимся познанию того, как в растениях, животных и минералах живёт солнечное или лунное существо, как, подобно внешним природным силам, можно найти силы, которые указали бы нам на средства исцеления определённых внутренних заболеваний. Здесь антропософия вступает в область практической жизни, в область медицины. Эта медицина может быть разработана путём наших прозрений в дух космоса, позволяющих нам таким образом из космоса познавать человека в его болезненном и здоровом состояниях. Вот всего лишь несколько слов о том, что уже сегодня существует как антропософская медицина, как антропософская наука врачевания. Не может быть никакой медицины, никакой психологии, никакой терапии (в противном случае это будет лишь результатами всяческих проб и ошибок), если мы не придём к духовному познанию мироздания.

Я показал, что мы приходим к истинному самопознанию путём инспирации, и что это

инспиративное познание может быть нам полезным также и в практической жизни. Я показал это в одной области, но то же самое возможно и в других. Поэтому мы можем сказать: наука инициации, наука посвящения, с одной стороны, даёт основу для удовлетворения глубочайших потребностей человеческой души и, вместе с тем, даёт возможность в более глубоком смысле, чем внешняя материалистическая наука, с более глубокими познаниями практически работать в мире. - Таково наше утверждение, касающееся второго рода человеческого познания - инспирации, вводящей человека в дух космоса. Всё, что приводит к дальнейшему познанию человека, связано с его прохождением через врата смерти.

Благодаря только что описанной инспирации мы учимся впервые познавать истинно душевную сущность человека, ту сущность, которая продолжала пребывать в человеке, когда он находился вне тела, то есть до того, как он из духовно-душевных миров спустился в физическое тело. Однако, если мы доходим только до инспиративного познания этого духовно-душевного, наше познание остаётся односторонним. При этом из духовно-душевного познаётся лишь то, что было до рождения. Если же человек хочет познать духовно-душевное, простирающееся за порог смерти, ему следует продолжать развитие сверхчувственного познания посредством новых упражнений. И эти упражнения заключаются в том, что он с иной стороны вводит мысль в волю подобно тому, как прежде в упражнениях на концентрацию он вводил волю в мысль. И как я описал аналогичный процесс при упражнении на концентрацию, так же очень коротко и просто я опишу, как может достигнуть человек постепенного введения мыслительной силы в волю. Будем исходить из простого примера. Каждый может выполнять это ежедневно. Надо спокойно сесть и подумать о пережитом в течение дня, но при этом не воссоздавать в памяти все события, начиная с утра, как они следовали одно за другим, чисто внешне чередуясь во времени, а воспроизвести их в памяти, начав с вечера и постепенно переходя в обратном порядке к более ранним, вплоть до утра, по возможности расчлняя весь день на мельчайшие отрезки. В самом начале можно брать из всего дня какой-нибудь один эпизод, в последствии же вся картина воспоминаний восстанавливается сама собой. Гласное при этом заключается в том, что мы привыкли пассивно подчинять наше мышление внешней последовательности событий, мы всегда думаем о последующем вслед за ранее бывшим. Именно поэтому мы не в состоянии развить сильную волю посредством мышления. Более, сильную волю можно развить, идя мысленно в противоположном направлении, отрывая мысль от естественной последовательности внешнего процесса, путём прослеживания событий дня от конца к началу. Воспринимая события в обратном порядке, мы тренируем нашу волю. Всё дело в том, чтобы мы усилием воли оторвались от внешней последовательности событий. Благодаря этому мы укрепляем нашу волю и развиваем в себе силу, помогающую внедрять мышление в волю, подобно тому, как в концентрации и медитации мы вводим волю в мысль. Более подробно я описал это в моих вышеуказанных книгах.

Но для лучшего понимания я хочу добавить ещё кое-что. Если человек приступает к самовоспитанию на основе зрелого познания, не отдаваясь тому, что подсказывается внешней жизнью и средой, а владея собой, то он от многого отвлекается, а в результате проводимых в течение лет упражнений привыкает к иным вещам. Его воля укрепляется, когда от десятилетия к десятилетию он повторяет: только силой своего мышления, своей воли, содержащейся в жизни моих представлений, я пытаюсь развить в себе свойство, которого во мне нет, и выработать из него некое постоянное качество, для чего потребуется, быть может, много лет.

Есть ещё и некоторые другие упражнения воли, благодаря которым мы в равной мере учимся с иной стороны проникать в сверхчувственный мир. Но как же обстоит дело с этими волевыми импульсами в нашем сознании? Мы можем представить себе это следующим образом.

Когда я поднимаю руку или глаза, во мне возникает волевой импульс. Затем этот импульс погружается в подосновы моего существа. Это уже не поддаётся восприятию нашего обычного дневного сознания, это недоступно также и нашему сознанию во сне. Даже когда мы грезим, отдавшись нашим чувствам, мы и тогда в отношении наших волевых импульсов спим. Мы, стало быть, можем сказать: мы в некотором смысле душевно непрозрачны. - Подобно тому, как какой-либо предмет представляется нам непрозрачным для физического света, так наше тело непрозрачно для нас, когда мы хотим обнаружить нашу волю. Мы не можем проникнуть взглядом в нашу волю. Но нашим глазом - физическим органом восприятия - мы видим потому, что он прозрачен. Если бы у нас была катаракта, мы не видели бы. Я не хочу утверждать, что в отношении нашего физического организма мы нездоровы для нормальной жизни. Антропософия не собирается проповедовать никакой ложной аскезы, но, если бы нам удалось, - конечно не физически, а душевно - сделать наше тело прозрачным, то мы смогли бы

действительно наблюдать, как из мыслей струятся в физический организм волевые импульсы. Мы бы достигли прозрения наших волевых импульсов, будь наш физический организм прозрачен.

Так мы видим себя волевыми людьми и одновременно смотрим в духовный мир воли, которому принадлежим, мы смотрим в этот внешний мир, который делаем прозрачным благодаря тренировке нашей воли. И тогда для человека, достигшего ступени познания, на которой физическое тело становится душевно прозрачным, в нём просматривается воля. Сначала у такого человека исчезает восприятие физического тела. И если он, укрепившись указанным способом, стремится видеть всё дальше и дальше, то перед ним возникает образ момента смерти, того момента, когда мы отдаём земле физическое тело и своим духовно-душевному преступаем порог смерти. Эту картину перехода врат смерти мы видим перед собой, когда нам удаётся сделать прозрачным наше физическое тело, чтобы уметь прозревать духовное.

Тогда мы понимаем, что теперь отсутствует в этом физическом теле, и что мы не только смотрим в духовный мир, но и действительно вживаемся и проникаем в него. Это и есть ступень интуитивного познания. И на этой ступени мы постигаем бессмертное. Достигая этой ступени через имагинацию и инспирацию, мы понимаем, что мы как духовные существа принадлежим вселенной, что мы видим духовное вселенной бессмертной духовной душой в нас самих. Для этого наука инициации, хотя она и вполне соответствует современному сознанию, поднимается (в противоположность тому, как она в древние времена возрастала в глубоко атавистическом, грезящем сознании) до полного высшего сознания, от преходящего - к вечности. Так она и может быть подана и поднята до уровня современной души.

Однако, всё изложенное об антропософии может признать не только человек, который проделывает все упражнения, чтобы убедиться, так сказать, на собственном опыте в существовании сверхчувственного мира и вечного бытия вселенной. Да, для исследования действительно необходимы имагинация, инспирация и интуиция. Но вот духовный исследователь изыскал то, что его интересовало, что он стремился исследовать, облечь свои познания в обычную логику, в обычный язык, и представил их своим современникам, людям нового времени. И теперь результаты его исследований могут быть поняты любым человеком со здравым умом. Как нет необходимости быть художником, чтобы понимать произведения искусства, ибо для этого требуется лишь способность здравого восприятия - так с помощью обычного человеческого разума можно понять все результаты духовного исследования, если они правильно изложены и восприняты непредвзято. Нам только не надо самим нагромождать ошибку на ошибку и недоразумение на недоразумении, как это всюду часто делается. Тогда путают всё, что было сегодня описано как имагинация, инспирация и интуиция, с жизнью в галлюцинациях, порождаемой патологическими состояниями. Ведь может случиться и так, что стремясь к описанной здесь имагинации, человек столкнётся лишь с фантазиями, иллюзиями, наваждениями и галлюцинациями, либо впадёт в медиумическое состояние. Но все эти состояния совершенно противоположны тому, что здесь описывалось как медитация, концентрация и т.д. Галлюцинирующий человек целиком впадает в патологическое состояние. Но кто через имагинацию, инспирацию и интуицию поднимается к высшему познанию, тот не теряется в галлюцинациях, он, как говорится, крепко стоит на ногах и продолжает дальнейшее развитие с помощью здравого человеческого разума. Ибо обладающий здравым рассудком человек никогда не теряет способности самоконтроля и критики, поэтому он и не может расплываться и теряться в беспредметной фантастике и бессмысленных галлюцинациях. Всё это противоположно исполненному силы и крепости состоянию, наступающему при имагинации, инспирации и интуиции, так что восприятия человека при этом аналогичны вытекающему из современного сознания убеждению о сверхчувственном мире; его новые воззрения служат как бы продолжением современного сознания. Так, с помощью антропософской науки инициации человек приобретает познания, не расходящиеся с современной жизнью.

Итак, мы должны пройти через современное сознание, ибо нам необходимо полностью приобщиться ко всем достижениям современной науки. Мы нуждаемся в достижениях познания сверхчувственного мира для того, чтобы служить современной и, особенно, будущей культуре. Уже сейчас многие желают получить сверхчувственные познания в религиозной области - и они могли бы получить эти познания благодаря антропософии. Антропософия хотела бы на это откликнуться. Завтра я остановлюсь на этой области и расскажу о пути антропософской науки посвящения к постижению мистерии Голгофы, о пути правильного постижения христианства. Сегодня мне хотелось бы лишь кратко описать задачу антропософской науки посвящения.

Когда мы смотрим на стоящего перед нами человека нашими физическими органами, мы получаем представление о его внешнем облике. Но это представление не полное. Только если

мы вникаем сердцем и душой в его духовно-душевное, перед нами предстаёт весь человек. И как отдельный человек недоступен нашему физическому восприятию в его цельности, так недоступны нам всё человечество и мир, если мы воспринимаем их только посредством внешнего познания. Мы нуждаемся в сознании, которое не может быть создано внешним познанием. Для познания духовно-душевной сущности вселенной нужна наука инициации. Это должно стать нашим убеждением. И только убедившись в этом, мы сможем действительно удовлетворить глубочайшие потребности человеческой души. Осуществить же это антропософия сможет лишь дополнив столь далеко продвинувшееся естествознание. Антропософия целиком признаёт эти достижения, но они должны быть дополнены познанием внутреннего духовного и душевного существа космоса и человека. К этому и стремится изложенная здесь антропософия, она действительно желала бы к достижениям внешней науки присоединить духовное внутреннее познание, к чувственному - сверхчувственное. Как для полного представления о человеке нужно иметь в виду его душу, так антропософия хотела бы стать душой, духом, внутренним существом современного познания.

ПОЗНАНИЕ ХРИСТА ЧЕРЕЗ АНТРОПОСОФИЮ

Лондон, 15 апреля 1922

Вчера я позволил себе говорить о пути, ведущим из физически-чувственного мира в сверхчувственный, о пути, характеризуемым современной антропософией как путь некоего точного ясновидения, "точной просветлённости". Я говорил о точном ясновидении потому, что в наше время оно действительно необходимо. Ясновидение во все времена было основой науки посвящения. Но раньше оно было способностью, которой человек был наделён элементарным способом или, во всяком случае, элементарным способом в нём воспитанный. Люди, овладевающие духовной наукой, были ведомы авторитетом лиц, уже овладевших ею. В нашу эпоху развития человечества мы уже не имеем права опираться на такой авторитет, ибо это противоречит требованиям, которые в наши дни выдвигает изменившееся состояние душевного склада человека. Вот уже в течение трех-пяти столетий у нас есть точная наука. Разумеется, это не наука посвящения. Однако, эта наука, исходя из полной сознательности человеческой личности, даёт тот самоконтроль, которым должен обладать также и духовный исследователь, желающий достигнуть точного ясновидения в антропософском смысле.

Когда мы даём воздействовать на себя воззрениям о космосе, воззрениям о человеческом существе, достигнутым с помощью такого ясновидения, то они влияют на нас не так, как влияли бы какие-либо мировоззрения, не как сумма идей, излагаемых по поводу духовных и сверхчувственных миров - нет. Эта современная наука посвящения воздействует одновременно как сила, духовно-живая сила, которая может пронизать и оплодотворить человека со всеми его способностями.

При строительстве Гётеанума в Дорнахе, нам удалось до некоторой степени воплотить в художественные образы то, что обычно выступает лишь в форме идей о духовном мире. Гётеанум - это Высшая школа духовного познания, которая была основана благодаря самоотверженности нескольких друзей антропософского дела. И хотя строительство ещё не доведено до конца, но оно настолько продвинулось, что в здании уже в течение продолжительного времени проводится антропософская работа.

Если бы любая другая организация вознамерилась возвести подобное здание, то она, естественно, обратилась бы к архитектору, который выполнил бы проект здания либо в античном стиле, либо в стиле Ренессанса, либо в готическом, либо в любом другом стиле, как нынче строятся все дома. Для Гётеанума это исключено. Это противоречило бы антропософскому мировоззрению, которое стремится быть не идеологией, а жизнью, стремится пронизать собой все области человеческой деятельности.

Едва ли нужно говорить, что наше здание несовершенно. В этом отношении я сам свой строжайший критик. Но как бы не был несовершенно Гётеанум как строение, как произведение искусства, как целое, необходимо было всё-таки воздвигнуть его в новом архитектурном, в новом строительном стиле, ибо в нём антропософия несёт свой человеческий праобраз. В Гётеануме мы видим архитектурные формы, почерпнутые из той же жизни, из того же источника, откуда взяты представления и идеи о сверхчувственном, как они возвещаются в словесной форме. Всё, что мы находим в Дорнахе в скульптурных и художественных формах, создано в новом стиле, из которого и должна в современной жизни рождаться антропософия. Всякий, посещающий эту Свободную Высшую школу духовной науки, убедится, что, с одной стороны, с её подмостков излагается в словах антропософское мировоззрение, но архитектурные формы и живописные произведения на художественном языке выражают то же самое, что и слова. Так же и то, что может воздействовать со сцены, должно стать иной формой откровения, чем выражаемое словесно. Антропософия должна

выражаться не только в словах, но вырастать из глубочайших человеческих корней. Теоретическая антропософия представляет лишь одно из ответвлений этих корней, подобно другим - художественным, педагогическим и т.д. Так жизнь антропософии становится фактором различных областей человеческого бытия.

В Штуттгарте Вы можете увидеть и так называемую вальдорфскую школу. В ней не преподают детям учение, которое обычно излагается как антропософия, ибо это учение - не мировоззрение. В этой школе, в соответствии с религиозными воззрениями родителей, детям католиков читается Закон Божий католическими ксендзами, а детям протестантов - пасторами. Дети же, родители которых не претендуют на какое-либо религиозное воспитание - а таких в Германии очень много - получают особое, антропософски разработанное свободное религиозное воспитание. Достижения же вальдорфской школы проявляются тогда, когда антропософия претворяется в жизнь, в практическое искусство воспитания - в педагогику и дидактику, вообще во все области, касающиеся воспитания и преподавания. То, что делает учитель: как воспитывает детей, как учит - это и есть живая сущность всей его личности. Это зажигается антропософией. Я выделяю эту вторую область, чтобы показать, как антропософия стремится воздействовать на различные области человеческого бытия.

Но особенно жизненно антропософия может воздействовать, и уже воздействует, на религиозные потребности человека. Об этом воздействии антропософии в отношении человеческого переживания мистерии Голгофы мне и хотелось бы сказать в этом докладе. При этом я свяжу сегодняшние сообщения со вчерашними - об антропософском пути в сверхчувственные миры.

Вчера я показал, что, благодаря известным душевным упражнениям, человек может достигнуть сначала имагинативного познания. Это имагинативное познание позволяет человеку через силу мышления (которая обычно служит лишь проводником абстрактных мыслей) воспринимать образы, которые так же живо и интенсивно живут в душе, как и образы чувственных восприятий. Как мы обычно живём в красках, отдаваясь нашим зрительным восприятиям, как мы живём в звуках, благодаря нашим слуховым восприятиям, так же переживаем мы теперь наши мысли в имагинациях. Если мы в состоянии пережить наши мысли внутренне, если они возникают в нас не только в абстрактных контурах, а как полные содержания образы, тогда мы владеем имагинативным познанием.

Человек, как я указал вчера, может посредством имагинации воспринимать свой временной организм, своё эфирное тело. Однако, достигая имагинативного познания, мы должны осознать, что в нас самих содержится нечто имагинативное. Исследователь-антропософ отличается от галлюцинирующего человека или от медиума тем, что, достигая точного ясновидения, он способен различить и понять, что в медитациях перед ним сначала возникают образы, живущие в нём самом. Даже воспринимая, как наше эфирное тело посредством пластических образующих сил с самого рождения работает над нашим земным организмом, мы всё же познаём при этом нечто субъективное.

Затем я указал, как человек может отвлечься "от самого себя, погасить живущие в нём образы и достичь пустого сознания. Но тогда он будет иметь дело уже не с субъективными образами. Это пустое сознание обладает силой воспринимать образы извне. Очень важно, чтобы мы, как-антропософские исследователи, осознали: мы должны удалить из души эту первую форму имагинации, чтобы затем наступило пустое сознание, которое само по себе обладает такой бодрственной силой, что в состоянии воспринять из внешнего мира чисто духовные образы.

Сначала перед нами встаёт картина нашей собственной духовно-душевной жизни до нашего схождения из духовных миров, до воплощения в наше физическое тело. Затем мы начинаем воспринимать объективные образы, относящиеся к нашему духовно-душевному окружению. Такие объективные образы соединяются с инспиративным познанием. Теперь антропософский исследователь получает откровения духовного мира, пронизывающие его пустое сознание уже в виде объективных образов, тогда как прежде он воспринимал образы субъективным путём, укрепляя мышление с помощью упражнений.

Что же мы узнаём о себе, когда наше пустое сознание заполняется имагинативными образами благодаря инспирации? Мы узнаём всё, что было известно нам до нашего схождения из духовного мира в мир физический. Но мы познаём ещё и нечто другое. Мы, делая при этом весьма значительное открытие, узнаём, что внесли в наше физическое бытие из духовного мира лишь силу мышления. Философы много размышляют над тем, откуда возникло наше мышление. Антропософу же известно, что мышление никогда не могло быть порождено физическим телом, что оно есть сила, перенесённая им из духовного мира, в котором он жил прежде, чем спуститься на землю. Там это мышление было совсем иным, чем стаю для повседневного земного сознания. Здесь наше мышление абстрактно, оно способно постигнуть

лишь мертвое. Человек, правильно понимающий науку посвящения, вынужден поставить в этом вопросе человечество перед определённым фактом. Я попытаюсь пояснить это с помощью сравнения.

На границе земного бытия человека смерть противоположна рождению. После смерти мы оставляем на земле труп - то, что остаётся от нашего физического тела. Этот труп, независимо от способа погребения, переходит в свою стихию, в землю. После смерти тело перестаёт подчиняться тем законам, которые управляли им всю жизнь с момента рождения. Теперь труп подчиняется только физическим законам, он уже не несёт в себе ничего душевного, ничего духовного, а в смысле человеческом - ничего человеческого. Он подчиняется тем законам природы, которым во внешнем мире подчиняются минералы, пребывая в царстве природы. Такова судьба нашего физического тела по наступлении нашей смерти. И такая же смерть - это нужно понять - наступает и тогда, когда наша душа спускается из духовно-душевного мира, чтобы воплотиться после рождения в наше физическое тело. Душа проникает в физическое тело человека совершенно так же, как физическое тело человека после смерти проникает в земную стихию. И первое, что принадлежит духовному миру и что мы замечаем в себе - это наши мысли. Наша мыслительная сила и есть труп духовно-душевного. Это духовно-душевное обладает собственным бытием в духовно-душевном мире до рождения человека. После рождения от этого духовно-душевного в человек, как труп, остаётся лишь мыслительная сила. Мы несём в нашем физическом теле (как земля несёт после нашей смерти наш физический труп) мысли - душевный труп нашего духовного бытия.

Именно поэтому современное познание гак неполно, ибо человек, несущий в себе лишь труп своей души, постигает, в некотором смысле, лишь безжизненную природу. Он предаётся иллюзии, полагая, что в современных экспериментах может постичь что-либо иное, кроме безжизненной природы. Наука, разумеется, пойдёт вперед и сможет воссоздать не только безжизненное, но и некую органическую телесность. Но и полученная лабораторным путём, эта телесность будет недоступна неосознанному, неразвитому мышлению. С помощью этого мышления - душевного трупа, духовно мёртвого - может быть постигнуто лишь мёртвое.

Эту истину следует принять со всей непредвзятостью, ибо надо уяснить себе, что некогда в развитии человечества существовала эпоха, когда люди приняли в себя это мертвое, абстрактное мышление. Однако, только благодаря этому абстрактному мышлению, лишённому всякой внутренней жизни и не властному над внутренним человека, человек и может прийти к свободе. Поэтому, с тех пор как существует смерть, и возможно развитие свободы. Из дальнейшего мы увидим, как именно через мышление мы достигаем имажинации, инспирации и интуиции, как было намечено вчера. Весь процесс инициации есть поистине воскрешение мертвого мышления.

Когда мы путём упражнений достигаем имажинации, тогда мышление снова оживает в нас, и мы можем сказать, что до сих пор мыслительная сила не давала нам представления о том, кем были мы, прежде чем спустились из духовного в земное. А теперь, когда наше мышление снова оживило, мы взираем нашим имажинативным и инспиративным мышлением на наше бытие в духовном мире до нашего рождения и познаём, что жили в духовном до того, как вступили через зачатие в физически-телесное бытие. Там наше мышление было исполнено жизни. В нашем современном сознании в физическом теле мышление мертво. Оно снова оживает благодаря имажинации. Мы вновь наделяем жизнью "нерождённую" душу. В этом и заключается то, чего мы достигаем через имажинацию и инспирацию. Эта высшая мыслительная способность, это восприятие духовных существ и духовных событий и есть ни что иное, как оживление того, что для обычного сознания мертво.

Но вот в процессе этого оживления обычного мышления с современным человеком происходит нечто, чего не случалось ни с древним греком, ни с древним египтянином или древним персом, чего не происходило при прохождении науки посвящения с теми людьми, которые постигали эту науку до мистерии Голгофы. До схождения Христа на землю из духовных высот это оживление мысли в процессе посвящения протекало совсем иначе, чем у современного человека после Его пришествия. В наши дни история ограничивается внешними фактами. Ныне не принимают во внимание, насколько изменился в ходе истории душевный склад человека. А это может быть установлено только благодаря науке посвящения, благодаря инициации.

Достигнув инициации и инспирации, человек должен сказать себе: в меня вступило нечто, что меня беспокоит. - Я привожу это как необычное явление, ибо когда человек в наши дни поднимается к имажинации и инспирации происходит потрясающий факт - им овладевает беспокойство. Это происходит оттого, что когда в наши дни человек становится ясновидящим, ему приходится признать, что благодаря своему развитию в нём сильно развился эгоизм, его Я стало слишком сильно, слишком активно.

Любой человек, действительно знакомый с этими вещами, согласится с этим, если только не захочет безответственно рассуждать о своих иллюзиях. Ибо он знает, что овладевшее его душой беспокойство порождено чрезмерным усилением его Я. У живших до мистерии Голгофы людей возникало противоположное переживание. Им приходилось говорить: благодаря науке посвящения я стал слабее, моё Я стало слабее, я, в некотором смысле, утратил сознание, я в меньшей степени погружён в себя, я меньше принадлежу себе как человек. Но Я во мне укрепляется, когда я не прохожу науки посвящения. Естественный, здоровый и необходимой в обычной жизни эгоизм до некоторой степени притуплялся вследствие инициации у людей, живших до мистерии Голгофы. Человек чувствовал себя как бы излитым в мир. Высота, сила его сознания были как бы приглушены. Сознание же современного человека благодаря инициации укрепляется. Его Я становится более сознательным и сильным.

Апостол Павел был именно тем человеком, который при посвящении почувствовал, что его Я в чем-то нуждается, чтобы избежать опасности слишком сильного укрепления. Он узнал об этой опасности после того события, которое, как рассказывается в Новом Завете, произошло на пути в Дамаск. Мне не нужно рассказывать об этом, это известно. Но благодаря этому откровению, благодаря познанию мистерии Голгофы, апостол Павел понял, что ему стало доступно восприятие духовного мира. И чтобы вынести созерцание духовных миров, не подвергаясь опасности чрезмерного эгоизма, он должен был ослабить своё Я. Тогда апостол Павел возвестил миру универсальную формулу, которая выражает с тех пор настроение всякого вновь посвящаемого. Эта формула гласит: "Не я, но Христос во мне". Так поступают в согласии с духом и силой Христа. Когда человек признаёт, что воспринимает в себя, в своё чрезмерно усилившееся Я Христа, он проникается Его силой, соединившейся, благодаря мистерии Голгофы, с землей. И тогда Я вновь занимает должное положение в человеке. Эти слова апостола Павла: "Не Я, но Христос во мне" - имеют универсальное значение. Они служат вехой, по ним ориентируется человек, переживающий силу Христа при современном посвящении.

Моё описание современного абстрактного мышления, - как мышления, которое по сравнению со своей сущностью в своём бытии до нашего рождения стало живущим в нашем теле трупом - применимо, как я уже сказал, только к современному человеку. Во всяком случае, под таковым нужно разуметь человека, который при современном душевном складе готовится к посвящению. Мышление очень медленно начало принимать современный характер, собственно лишь через несколько веков после мистерии Голгофы, примерно в 3-4 столетиях по Р.Х. До этого у всех древних народов мышление было живым, оно ещё вносило в земное бытие внутреннюю жизнь. Оно было наделено той жизнью, которой обладало в духовно-душевном бытии. Кто с полной осмысленностью и разумением изучает развитие человека в смысле его внутренней душевной структуры, тому легко в этом убедиться.

Возьмём все древние мировоззрения, независимо от того исходили они или не исходили из науки инициации. Всё, что жило тогда в этих мировоззрениях, позволяло человеку во всём - в царстве минералов, в реках, источниках, в облаках, в громе и молнии, растениях и животных - видеть нечто духовное. Наивно полагать, что одухотворение природы в то время было результатом поэтического вымысла, называемого обычно анимизмом. Этого анимизма никогда не было, но зато в человеческой душе было мышление, которое позволяло человеку, глядя на растения, воспринимать одновременно духовное. Как сегодняшний человек воспринимает из обычного сознания зелёный цвет листьев или красный цветок, так в древности видел человек и духовное, в облаках, в реках, в горах и долах. Всё, что видим мы теперь бездуховным, он видел одухотворённым. Почему же он видел всё внутренне одухотворённым? Потому, что в его мышление проникала живая сила. Это мышление простиралось духовно во вне так, как сегодня мы протягиваем руки, когда хотим до чего-то дотронуться. Я сказал бы, что так схватывают духовно-душевное вещей живыми мыслительными органами, ставшими духовными органами осязания.

Однако, эта живая сила мысли, бывшая столь активной в древние времена, постепенно угасала. Об этом может свидетельствовать уже только наука посвящения. Эта живая сущность мышления всё больше приглушалась и, начиная с четвёртого столетия по Р.Х., наше мышление стало внутренне мёртвым. Созерцая мир, мы нашим омертвевшим мышлением в живом растительном, животном бытии и даже во внешнем человеческом бытии можем воспринимать лишь мёртвое. Человек древности, наблюдая самого себя, понимал, что в нём живёт нечто, что было живым мышлением, что было продолжением его собственной сущности в духовном мире до его рождения. Он мог сознательно сказать: "Я живу в той же живой стихии, в которой находился до вступления в земную жизнь". Он чувствовал в себе всё, что вместе с ним родилось и вошло в его физическое тело. Всё это стало совсем по-другому после 3-4 столетий по Р.Х. Сейчас человек, наблюдая себя, чувствует в себе лишь мертвое мышление. Это

постепенное умирание мышления есть одно из важнейших и значительнейших событий истории.

Теперь представим себе, что в земном бытии ничего бы не случилось, кроме этого постепенного умирания мышления в человеческой душе. Представим себе на миг, что земное развитие продолжалось бы без изменений, что оно, продолжившись в 3 и 4 столетиях по Р.Х., развивалось в прежнем направлении. Что случилось бы с человеческой душой, если бы на Голгофе не был воздвигнут крест? Тогда со временем люди стали бы чувствовать себя мёртвыми в земном теле и, глядя на смерть физического тела, были бы вынуждены сказать: "Одновременно с рождением на земле моё душевное начинает умирать и оно может умереть с физическим телом". Не свершись мистерия Голгофы, для земного человека вместе со смертью физического тела наступала бы и смерть духовная, сначала менее интенсивно, но затем это стало бы всё более распространяться. Мы ещё глубже поймём трагизм такого положения, если представим, что чело век был бы вынужден сказать себе: "Мы, люди, теперь настолько связаны с землей, что умираем вместе с телом. То, живое, что жило в нас вплоть до 3-4 столетия, теперь уже не принадлежит нам. Теперь наше душевное подлeжит только судьбе нашего физического тела и умрёт вместе с ним". В лучшем случае люди могли бы сказать: "Жизнь на земле ещё некоторое время протянется, потому что смерть охватила ещё не всех, но, в конце концов, наступит всеобщее омертвение". Всего этого, однако, не случилось. Свершилась мистерия Голгофы и развитие больше не продолжалось по-прежнему.

Обычный человек познаёт мистирию Голгофы через Евангелие. Человек, прошедший школу посвящения, способен воспринять мистирию Голгофы ещё и с иной стороны. При этом, однако, я совсем не отрицаю подхода к мистирии Голгофы через Евангелия. Именно таковыми и должны быть первые шаги в восприятии христианства. Но то, что получает простая душа через Евангелие, разрастается и развивается, когда человек подходит к науке посвящения. Для людей, не придерживающихся одной только веры, но поднимающихся от инспирации к интуиции, возникает духовный мир, в котором именно посвященному мистирия Голгофы представляется как великое утешение для всего мирового бытия. Если посвященный правильно применяет имагинацию и инспирацию, он чувствует значительное усиление своего Я. Хотя это усиление и не затрагивает основ человеческой свободы, но оно может помешать тому ходу развития, который должен спасти человека от последствий омертвения мышления. Только с точки зрения науки посвящения мы можем понять нею трагичность омертвения мышления. Но за этими нашими представлениями или переживаниями встает истина о мистирии Голгофы. Я сказал бы, что в то время, как, с одной стороны, в человеческой душе возникает твёрдая опора, свидетельствующая: "Твоё Я стало достаточно сильным, ты окреп как духовное существо", с другой стороны, в качестве исторического события, но воспринимаемого сверхчувственно, выявляется сначала схождение божественного существа Христа в тело Иисуса из Назарета, а затем и Его смерть на Голгофе.

Если человек правильно проходит путь посвящения, то он испытывает, с одной стороны, усиление Я, а с другой - перед ним встает истина мистирии Голгофы. Интуитивное откровение, интуитивное созерцание стоит за Евангелиями, за всем содержанием, которое можно воспринять путём обычного чтения. Из интуитивных откровений возникли, в конечном счёте, и сами Евангелия. Посвященный не зависит от того, что ему говорят Евангелия. Благодаря той же силе, через которую он получил писанное выше познание собственного бытия после смерти, благодаря инспирации и интуиции, он постигает объективную истину и имагинацию внешнего мира, так что он мог бы и сам написать Евангелие, если бы оно не было уже написано. Таким образом, он получает также правильное понимание евангелистов (создателей Евангелия). Он познаёт, что в первые три-четыре столетия по Р.Х. сохранялось ещё столько живого от древних времён, что некоторые люди, даже не прошедшие школы посвящения, могли понимать значение и правильно интерпретировать мистирию Голгофы. Если бы древние посвященные в первые три-четыре века по Р.Х. не интерпретировали мистирии Голгофы в согласии с тогдашним гнозисом, бывшим не идентичным, а только подобным нынешней антропософии, то не было бы и Евангелий, ибо они написаны из духа именно такой древней науки посвящения. Когда человек духовно видит события, которые описали первые евангелисты в Евангелиях, он учится постигать одновременно и мистирию Голгофы и происхождение Евангелий. Тогда он может постичь истинное значение слов апостола Павла: "Если бы Христос не воскрес, тщетна была бы и вера наша и души наши были бы мертвы". Теперь человек начинает понимать, что случилось бы, если бы Бог не сошёл на землю, чтобы принять человеческое тело и в этом человеческом теле претерпеть смерть, а затем соединиться с силами земли. Ибо с той поры Он соединился с земными силами и сила Христа со времени мистирии Голгофы живёт с Землей, живёт в земном развитии человечества, в котором ранее её не было. Говоря о воскресшем Христе, апостол Павел имел в виду, что Христу

надлежало претерпеть и победить смерть, что Он духовно-живым воскрес из мертвых и с тех пор продолжает жить вместе с человечеством и ради этого человечества, которое, не будь Христа, осталось бы с мертвым мышлением. Так посвященный может познать, что Бог, Христос сошёл на землю и живет на земле.

В древние времена мышление само сходило на землю своей живой сущностью. Начиная с 3 - 4 столетия земная душа может сама пробудить, оживить своё мышление при созерцании мистерии Голгофы. Благодаря смерти и воскресению Христа эта душа в своём мышлении настолько прониклась силою жизни, что людям уже не придётся умирать вслед за телом, как они умирали бы, если бы не совершилась мистерия Голгофы. А посвященный, благодаря тому что из своего усилившегося Я может взирать на образы мистерии Голгофы, в состоянии прочесть в духовном мире развитие человеческой души. Он знает из познания этой особой главы науки посвящения, что Христос своим воскресением вернул человеческой душе жизнь. Так современная наука посвящения, развиваемая в духе антропософии, приводит к внутренне - живому постижению мистерии Голгофы. Она не уводит от Христа, а приводит ко Христу. Наука посвящения даёт духовный путь познания, нахождения Христа.

А теперь позвольте мне в небольшом беглом обзоре нарисовать развитие человечества под влиянием мистерии Голгофы, как это явствует из современной науки посвящения.

Оглядываясь на очень далёкие времена человеческого развития, мы находим, что обычное сознание является таким, как я только что охарактеризовал. Человек наделён живым мышлением. Вокруг себя во всех существах природы он видит не только физическую, но и духовную сущность. Но сознание его, когда он воспринимает духовное, скорее сновидческое. Но я бы сказал, что в этом сновидческом сознании, в этом инстинктивном ясновидении, благодаря живому мышлению, есть ещё изначальная связь с духовным миром. Подобно нынешним учёным в те древние времена из массы людей выделялись личности, прошедшие древнюю школу посвящения. При этом всякое познание, всякую науку древних времён можно назвать наукой посвящения потому, что тогда ясновидение было более доступно обычному человеку. Люди ещё не выработали в себе того, что я описал, но им были доступны имажинация, инспирация и интуиция. В интуиции же человек переживал не только образы духовного мира, но и самих духовных существ. Он, в некотором роде, переливался существом своего Я в духовное. Благодаря науке посвящения, в древние времена человек мог воспринимать именно тех существ, которые спускались к нему из духовных миров. Это не были физические существа, их нельзя было увидеть физическими органами зрения. Они не произносили слов, которые можно было бы уловить физическим слухом. Это были существа, с которыми можно было общаться лишь посредством духовного видения. Но духовное соприкосновение посвященных древности с духовными существами, спускавшимися к ним в духовных, а не в физических телах, было настолько тесным, что эти духовные существа поучали людей о духовно-душевном бытии, чего они не в состоянии были бы сделать с помощью физического мышления.

В этом заключается суть древнего познания. Если мы хотим выразить это простыми словами, то должны сказать: "Первые великие учителя человечества были духовными существами, которые вступали в духовное общение с первыми посвященными и преподавали им тайны рождения человека, тайны живой души, спускавшейся "нерождённой" из сверхчувственно-духовных миров. Человек познавал мистерию рождения непосредственно через духовные откровения древних времён. Он учился прозревать в древнем ясновидческом познании то, что предчувствовал уже благодаря своему инстинктивному ясновидению: он познавал, что он "нерождён". Он, благодаря науке посвящения, учился видеть прошлое своей духовной души до её нисхождения в физический мир.

В древние времена людей посвящали в мистерии рождения. И хотя в школах мистерий эти познания и облекались в определённые обряды, в культовые священнодействия, которые в некотором роде должны были пророчески возвещать о том, что должно было совершиться через мистерию Голгофы, это было всё же не то, что познавал человек после мистерии Голгофы. До мистерии Голгофы человек совсем по-другому относился к смерти, чем позднее. Он знал, что он "нерождён", что наделён живой душой, которая была в нём до того, как он сошёл в физический мир. Он понимал, что эта живая душа не погибнет со смертью. Он ещё не говорил себе: "Со смертью погибнет и моя душа". Он знал, что его душа живая. Но, по мере того, как приближалось время всё большего омертвления мышления, в котором из духовного мира в виде трупа спускалось абстрактное мышление, по мере того, как ему становилось ясно, - и это приобретало для него всё большее значение - что внешний человек умирает, люди находили утешение в совершавшемся культе, возвещавшем грядущую мистерию Голгофы. Они говорили себе: "Боги, а стало быть и божественные человеческие души, не могут умереть, они должны воскреснуть". Это хотя и было возвещённое культом утешение, но ещё не было

знанием. Знание переступило пределы смерти лишь после мистерии Голгофы. А раньше люди обращали взор к древним духовным учителям, которые сходили из духовных миров. Как бы парадоксально это не звучало для современного человека, но наука посвящения говорит о том, что эти духовные учителя, жившие в сверхчувственных мирах, спускались лишь тогда, когда люди открывали им свои души. Эти духовные существа жили в божественном мире и спускались к людям лишь в качестве учителей, но не были причастны к человеческим судьбам и мистерия Голгофы была им неведома.

В этом сама по себе заключена значительная мистерия, что в совсем древние времена люди воспринимали из высших миров учения о тайне рождения, а не о тайне смерти. От проходивших через рождение душ люди узнавали о мистерии рождения. И когда первые христианские посвященные смогли воспринять мистирию Голгофы, они познали то, чего им не могла дать древняя мистериальная мудрость. Они узнали, что существам тех миров, откуда им возвещалась древняя мудрость, была совсем неведома смерть, поскольку ни одно из них не испытало человеческой судьбы, а именно - само не претерпело смерти. Эти божественные духовные учителя человечества владели тайной рождения, но не смерти. Человеческое мышление, отпав от божественного промысла, так омертвело, что люди жили в страхе перед тем, что вместе со смертью их тел одновременно умрут и их души. И в царстве Богов было решено послать на Землю Бога с тем, чтобы он как человек претерпел смерть и приобщил к божественной мудрости познание смерти. Через интуитивное познание мистерии Голгофы раскрывается именно то, что эта мистерия была не только событием в человеческом развитии, но и в жизни Богов.

Боги, раскрывавшие ранее земным людям тайны рождения, до некоторой степени понимали, что Земля постепенно лишается тех сил, которые они. Боги, сами в неё вложили, и что душам людей грозит смерть. Поэтому Боги послали на Землю Христа, чтобы Он познал человеческую смерть и своей божественной силой поправил её. В этом и заключается божественное свершение: Боги ради своих собственных судеб ввели в эволюцию космоса мистирию Голгофы как божественное событие и ради самих себя Боги допустили свершение мистерии Голгофы. Если раньше все события свершались в духовно божественных мирах, то теперь Бог сошёл на Землю и на земле свершилось сверхземное самобытие, принявшее земной образ. То, что произошло на Голгофе, было духовным событием, перенесенным на землю. Именно об этом значительном факте христианства люди узнают благодаря современной науке посвящения.

И теперь, когда человек взирает на мистирию Голгофы и видит, какое участие принимает божественное в развитии земли, тогда он понимает, что тогда свершилось для земли, для земной судьбы, и ему открываются вещи, касающиеся Богов. Пока он в своей деятельности связан с земной жизнью, он учится вырабатывать в себе те познания и свойства, которые касаются земли и человека. А до тех пор он обладает лишь малыми силами, которых не хватает для преодоления усилившегося Я. Выходя же из области чисто земного и человеческого к постижению и познанию мистерии Голгофы, он соприкасается со сверхземным, что не может быть понято земным рассудком, но требует превосходящего всё земное разумения. Таким образом, только благодаря указаниям науки посвящения мы можем взглянуть на совершившиеся в пределах земного бытия событие Голгофы как на фактор, введённый в развитие земли: одновременно и как космическое, и как земное начало. Благодаря этому человек в самом себе находит силу познания, которая действительно может привести его к утверждению: "Да, благодаря земным человеческим силам я беру от земли всё, что она даёт моему человеческому Я. Если же я взираю на мистирию Голгофы, я воспринимаю нечто, что возвышает меня над этой землей, что зажигает во мне жизнь, которая иначе бы не зажглась. Склоняясь перед мистерией Голгофы, я воспринимаю сверхчувственное. Я постигаю, что человечество должно по-новому овладеть внутренней жизнью и познанием по сравнению с древностью, когда люди владели ещё живым мышлением; что ' такое познание человек может получить только благодаря мистерии Голгофы, через которую он постигает своё мертвое мышление, которое он сознательно вводит в сверхчувственное бытие". Он может теперь сказать: "Не я, но Христос во мне делает меня действительно живым после мистерии Голгофы".

К такому утверждению как раз и может привести современная наука посвящения, современная антропософия. Если мы сами получим это побуждение современной науки посвящения, то увидим, как из него народится не антирелигиозная, а углублённая религиозная жизнь человека, причём мы будем сознательно познавать то, что унаследовано от древних времён. Благодаря духовно-душевному познанию мистерии Голгофы, человек освободится от всех сомнений, которые ныне господствуют в религиозной жизни внешней науки. Благодаря последней мы стали, во всяком случае, свободными людьми. Она, с одной стороны, достигла величайших внешних успехов, но с другой - сеет в душе человека понятные

сомнения в отношении религиозного осмысления и познания его сверхчувственной сущности. Антропософия ставит себе задачу - избавить человека от горчайших сомнений, насаждаемых в его душу внешней наукой, ибо антропософия из духа самой этой внешней науки стремится преодолеть то, чего сама наука преодолеть не в состоянии. Эта антропософская наука сможет поистине вновь возродить в человеческой душе религиозную жизнь. Она не только не содействует умерщвлению религиозного сознания, но вводит в человеческое развитие силы и познания, благодаря которым в человеке рождается религиозное осмысление действительности. Человек по-новому понимает христианство через познание мистерии Голгофы, которая лишь теперь, благодаря антропософии, может быть правильно понята и принята человеком.

Благодаря тому, что в человеке не только оживает старая религиозная жизнь, но и зарождается новое религиозное понимание, благодаря познанию на пути антропософии можно сказать, что антропософия ни в коем случае не стремится стать некой сектой. Она не стремится к этому, как и любая другая наука. Антропософия не только не хочет учреждать новых сект, она хочет быть слугой уже существующих религий и в этом смысле - обновительницей христианства. Тем самым, она хочет стать не только хранительницей древней религиозной мудрости, не только считает своим призванием продолжать и развивать древнюю религиозную жизнь; она хочет содействовать не только оживлению, но и воскрешению религиозной жизни, ибо эта религиозная жизнь оказалась чрезмерно подавленной современностью, современной цивилизацией. Поэтому антропософия хочет быть вестником любви, не только оживить древнюю религиозную жизнь, но и побудить к воскрешению внутреннего религиозного познания человечества.

ХРИСТОС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНТРОПОСОФИИ

Лондон, 18 ноября 1922

С двух сторон поднимается в наше время противодействие тому, что я называю антропософским духовным познанием. Одной стороны я вкратце коснулся вчера. Это противодействие со стороны естествознания, по мнению которого то сверхчувственное познание, которое я описал вчера, вообще недостижимо для человеческих познавательных сил. И поэтому с этой стороны антропософия часто изображается как нечто совершенно невозможное.

Сегодня мы займёмся противодействием, исходящим от тех, кто полагает, что антропософия лишает их и подобных им связи со Христом. Это в основном чрезвычайно благочестивые христиане, и именно это душевное благочестие вызывает в них такое сопротивление. Отношение человека ко Христу, по их мнению, должно достигаться посредством простого, наивного благочестия сердца и души. Они полагают, что все познавательные стремления в этой области приводят лишь в замешательство простое, наивное сердечное благочестие, и предпочли бы не нарушать исходящего из простого человеческого сердца влечения ко Христу стремлением к Его познанию.

С чувствами этих людей нужно считаться. Но в отношении антропософии они, несомненно, очень сильно заблуждаются. И если бы они узнали правду, то нашли бы, что именно антропософия прокладывает тот верный путь ко Христу, который они ищут. Они узнали бы, что влекущее их ко Христу простое сердечное благочестие существенно укрепляется и усиливается тем, что антропософия говорит о Христе.

Я с разных сторон хочу пояснить сказанное. Сначала рассмотрим, какими были религиозная жизнь, религиозное сознание людей в разное время развития человечества на Земле.

Обратимся к древним временам человеческого развития. Из хода моих дальнейших рассмотрений вы увидите, что этот исторический обзор не является излишним, а может объяснить некоторые недоразумения современности. Эти древнейшие времена можно понять не с помощью внешних исторических документов, но лишь с помощью той духовной науки, о которой я говорил вчера; познать их можно только внутренне посредством такого видения, какое я вчера представил как средство прозрения в сверхчувственную природу человека и сверхчувственные переживания его судьбы. Обращаясь к тем древним эпохам, мы находим, что тогда люди внимали ученикам так называемых мистерий. Древние мистерии, внешние исторические свидетельства о которых едва ли имеются (а то, что дошло до нас, мало чем помогает действительному проникновению в мистерии, ибо относится к гораздо более позднему времени), были теми местами духовности человечества, где искусство, религия и наука были **едины**. И великие учителя этих мистерий, которые для своих учеников были гуру

пользовались поистине сверхчеловеческим уважением. А затем и остальное человечество, стремясь к удовлетворению своего благочестия, внимало ученикам этих учителей. Воспринимали те прозрения в мир и его порядок, которых достигали в полной отдаче, полной почитания жизни ученики этих учителей. И чтобы осветить то, чем может быть в современности благочестие, почитание Христа, мне хотелось бы вкратце описать отношение древнего ученика к своему гуру, к своему учителю в мистериях.

Прежде всего мы видим следующее: Эти учителя были исполнены божественной силы для тех, кто полагал, что понимает их существо. В этих учителях мистерий видели людей, в которых - когда они говорили из одухотворённости своих мистериальных мест и жертвенного культа - говорил не человек, а через человеческие уста говорили божественные мировые силы.

Это было не символическим представлением, а совершенно реальным ощущением учеников мистерий. И можете себе представить, какое глубокое уважение испытывал ученик к своему учителю, зная, что из него гласит не человеческое, а божественное. Это отношение учеников к учителям мистерий, которое сегодня кажется нам парадоксальным, было основано на следующем представлении: в ещё более древние эпохи развития человечества, в эпоху начала земного развития сами духовно-божественные существа сходили на Землю, конечно, так, как это было возможно - духовно. И эти духовно-божественные существа, хотя и не принимавшие человеческого тела, но общавшиеся с первыми гуру, с первыми учителями мистерий посредством духовного познания, - эти духовно-душевные существа дали первые указания о том учении, которое должно даваться людям и которое дало бы им возможность установить правильную связь с духовным миром. И они верили, что от поколения к поколению таким путём сохраняют и заботятся о том, что было передано людям самим Богами и переходит к ученику каждой эпохи.

Вы скажите: это ведёт к представлению о сверхчувственном происхождении человеческой мудрости. Тут мы касаемся области, где и по сей день, например, в отношении происхождения речи, много неясного. Некоторые, в соответствии с теорией Дарвина, полагают, что человеческая речь произошла от издаваемых животными звуков. Однако, как сегодня, так и в прошлом, были люди, которые приписывали речи божественное происхождение.

Я не буду распространяться на эту тему дальше, так как это уведёт в сторону от интересующего нас вопроса. Для нас достаточно того, что благочестивые чувства учеников гуру были основаны на представлении, что они слышат от учителей то, что было некогда передано человечеству самими Богами.

К какой же цели было направлено это ученичество? Это ученичество прежде всего состояло из бесконечно сильного чувства почитания и привязанности к гуру; ученик мистерий должен был полностью полагаться на своего учителя. Этому учителя он должен был рассматривать как единственный источник, из которого к нему течёт божественное. Этот ученик обо всём, что переживал и развивал в своей душе, говорил: я получил всё это благодаря учителю. - А учитель прежде всего давал ему указания: во первых о руководстве мыслей. Мысли следовало направлять так, чтобы человек учился мыслить, не наблюдая чувственный мир, а обращая свою душу к сверхчувственному посредством той силы, которую гуру, учитель, как бы в дозволенном внушении вливал в его душу. Если при чувственном наблюдении мысли сталкиваются с внешними вещами - мы думаем о столе - это означает: наша мысль сталкивается со столом; мы думаем о дереве: мысль задерживается деревом, сталкивается с ним, - то теперь под влиянием гуру мысли должны были стать прозрачными, чтобы ученик видел не то, что существует в мире, а посредством мыслительного взора смотрел в те миры, которые я, основываясь на современной науке инициации описал вам вчера, в сверхчувственные миры.

Ученик и должен был переживать эти сверхчувственные миры. Для этого ему давались указания относительно речи. Разговаривая в обычной жизни, мы делимся нашими или полученными от других мыслями. Короче, то, что струится в нашей речи, живёт на физическом плане. Гуру давал ученику мантрические изречения, которые наполовину в рецитативной, наполовину в разговорной форме должны были развить в ученике способность живо воспринимать в своей речи не только смысл слов, но и переживать в струящемся предложении само божественное мировое течение. Изречение должно было произноситься так, чтобы не имело значения его человеческое содержание, а струилось в нём то божественное, что живёт в мире и человеке. Так, посредством ставших для него прозрачными мыслей человек должен был узреть Бога. При рецитации мантрических изречений он должен был слышать не их содержание, а струящуюся через них божественную силу; посредством того, что содержалось в жертве он должен был приводиться к действиям, должен был направить к божественному свою волю и всё своё человеческое существо. С этим были связаны различные виды жертвенного служения. Сегодня вы можете увидеть это в позе Будды; в этой позе члены

человеческого тела приводятся в положение, которое соответствует не внешней земной деятельности, а такой, при которой человек посредством своей позы, положения членов тела изымается из земного и посредством совершающегося в духе служения направляется к божественному.

Чего же стремились достичь при этом? Душа, внутреннее существо ученика посредством этой трехкратной направленности своей самости к божественному должна была поднять вверх то злое, греховное, отпавшее от божественного, что совершается на земле. Я говорил вам вчера, что и с помощью новой науки посвящения можно проникнуть в те миры, в которых до вступления в земное бытие человек живёт как духовно-душевное существо и из которых сходит, чтобы соединиться с полученным от отца и матери телом, и, как я описал вчера, после прохождения врат смерти вновь возвращается обратно. Божественные учителя древних мистерий стремились привести учеников к тому, чтобы в сверхчувственные миры поднимался не только созерцающий взор ученика, а чтобы в ученике возникла сила, сила молитвенного мышления, сила мантрической рецитации, в которой струилось бы божественное, сила отдачи жертвенному служению, направляющая к сверхчувственным мирам то, что является греховным на земле. А то, чему эти ученики учили других людей в том смысле, в котором они сами обучались в мистериях, становилось содержанием культуры тех древних эпох.

Что определяло возможность таких действий? То, что тут на Земле человек живёт в мире, который по сравнению с божественным не полностью охватывает существо человека. Так думали ученики древности и так учили гуру: хотя этот мир, в котором ты живёшь между рождением и смертью, и охватывает другие царства природы, сущность которых в некотором смысле растворяется в нём, но он не охватывает более глубокого существа человека. И то, что человек может совершить между рождением и смертью, (мы полностью отвлечёмся от того, что в древности во многих отношениях представлялось совершенно греховным) представлялось таким образом, что человек должен был сказать себе: то, что тут в мире я могу пережить между рождением и смертью, что я могу здесь сделать и совершить, не затрагивает всего моего человеческого существа, ибо моё полное человеческое существо принадлежит сверхчувственным мирам. - И все, кто в те древние времена был учеником гуру, на основе древнего примитивного ясновидения, которого им не нужно было завоевывать, ибо они обладали им тогда как сновидческим ясновидением, в определённые моменты своей жизни имели ясное прозрение, что до своего схождения на землю они действительно жили в сверхчувственном мире и после смерти вновь вернутся в него. И они говорили себе: если как человек я совершаю только то и связан только с тем, что существует и возможно на физической земле, то я не являюсь всем человеком. Я должен направить мои силы к духовным мирам. Да, они не на земле, а там. По представлению тех древних мистерий, из жертвенного служения, которое совершалось под знаком ясновидческих мыслей, в божественно звучащих мантрах жертвенного служения, с земного в сверхчувственное переносится то, что человек в своих действиях на Земле не может привести в порядок, что может быть приведено в порядок в сверхчувственных мирах, так как эти сверхчувственные миры соотносятся с целостным человеком.

И гуру в древности учили своих учеников: только проходя врата смерти, человек узнаёт, насколько недостаточно с точки зрения полноты своего человеческого существа то, что он смог совершить на Земле и как должно уравниваться при прохождении через духовный мир после смерти то, что на Земле может быть совершено только плохо, только несовершенно, только не мудро.

И к этому знанию о сверхчувственном мире, которое достигается описанным вчера способом, относится и то, как может быть в сверхчувственном мире приведено к совершенству всё, что остаётся несовершенным на Земле.

Но сегодня должно совершаться иначе то, что происходило во времена мистерий. В те древние времена ученики узнавали от своих учителей: когда человек переходит через врата смерти в сверхчувственный мир, то в определённое время ему навстречу выступает Высокое Духовное Существо; это Высокое Существо выражается в Солнце и его явлениях. - Поэтому эти древние мудрецы мистерий называли это Существо Высоким, Божественным Солнечным Существом. И как тут на Земле, глядя на внешнюю физиогномику человека, говорят о ней как о выражении его души, так и древние люди рассматривали движение и проявления Солнца. В этом они видели физиогномическое выражение, внешнее отражение Солнца; в движении Солнца они видели жесты Высокого Солнечного Существа, которого они не могли увидеть на Земле, но которое встречали после прохождения врат смерти, что помогало усовершенствовать то, что на Земле могло быть сделано только несовершенно: уповайте в сердечном благочестии на Высокое Солнечное Существо, чтобы вы могли найти Его, чтобы после смерти это Существо, которое вы не можете встретить на Земле, но только в духовных мирах, помогло вам правильно

пройти через духовный мир! - Так говорили об этом существе, которое выравнивает всё несовершенное в человеке, древние учителя, древние гуру.

Ко времени Мистерии Голгофы древняя мистериальная мудрость находилась уже в упадке. От неё осталось очень мало, а то, что осталось, существовало в виде традиций, в виде реликтов. Были посвященные в древнем смысле, которые с той же отдачей, с тем же благочестием, с той же верой держались божественного Отца, который однажды послал на Землю тех божественных посланцев, о которых учили первые гуру. И они знали, что в древние времена ученики мистерий получали великое жизненное утешение в следующих словах: после смерти вы встретите Высокое Солнечное Существо, которое поможет вам привести к совершенству всё, что было несовершенным на Земле, и освободит от угнетающего вас сознания, что вы являетесь существами, отпавшими от божественно-духовного миропорядка. Однако это Высокое Солнечное Существо, должно было сойти на Землю и принять в Иисусе из Назарета человеческий облик, и после смерти Иисуса Христа на Голгофе Его надо искать уже не в сверхчувственных мирах, а среди людей.

Так говорили посвященные во время Мистерии Голгофы и после, вплоть до третьего столетия. Поэтому тем, кто их слушал, они могли сказать: Тот, о Ком вы тоскуете как по исцеляющему Существо, был у человечества древности. Посредством божественного деяния Оно сошло на Землю, явилось в одном человеке и живёт с тех пор сверхчувственно в развитии человечества. - И если прежде ученики должны были входить в мистерии и взирать вверх на свои жертвенные служения, на то, что культ вызывал в них в сверхчувственных мирах, то люди нового времени должны на **самой** Земле научиться достигать непосредственного отношения к Существо Христу, которое сошло на Землю и стало человеком, подобным другими людям.

Таким было настроение, которое распространяли современники Мистерии Голгофы и ещё многие посвященные трёх первых христианских столетий. Внешние исторические писания сообщают об этом очень мало, ибо было искоренено всё, содержащее такие сообщения. Но посредством того прозрения в миропорядок, о котором я говорил вчера, приходят к познанию этого христианского настроения, которое было распространено среди христиан первых трёх столетий и тех, кто хотел тогда внимать посвященным, пока оно не было утрачено; сегодня его следует обновить. Об этом я буду говорить после того, как переведут эту часть моего доклада.

Так на примере отношения ученика к учителю, отношения почитания и полной отдачи люди учились направлять взор к божественному. И посредника божественного видели в самом учителе, в гуру, который даёт божественному струится вниз на Землю, а вверх - подниматься благочестием, которое человек хочет послать в духовный мир. Таким образом, это был целый комплекс чувств и ощущений, который усваивался душами и передавался от поколения к поколению. И первые христианские учителя (об их душевности, их способности почитания сегодня едва ли кто имеет представление) среди тех, кто им внимал, такое почитание направляли уже не к гуру, как прежде, а ко Христу, который сошёл из духовных миров и, воплотившись в человеке Иисусе из Назарета, принял человеческий облик.

Этот комплекс чувств был усвоен, жил в течение столетий и возносился к тому, о ком внешняя христианская история сообщает, что ради людей Он прошёл через Мистирию Голгофы, через смерть, чтобы с этих пор человечество могло находить Его на Земле.

Современная наука посвящения, о которой я говорил вчера, вновь проникает в Мистирию Голгофы, опять старается приблизиться к тайне Голгофы. Чем вызвана эта необходимость?

Когда померкло то благочестие и та религиозность, которые в христианском средневековье были как бы продолжением течения почитания, которое ученики древности имели к своим учителям, в человеке все больше затуманивалось старое сновидческое ясновидение. То, что существовало тогда, мы можем установить с помощью антропософской духовной науки и без исторических документов. В те древние времена люди могли в определённое время переноситься в некий род сновидческого ясновидения. Посредством этого они воспринимали духовный мир, из которого сошли в земное бытие. Однако это знание о вечном в человеческой душе было постепенно утрачено. Под влиянием этого знания человечество никогда бы не достигло свободы. А это чувство человеческой свободы, которое является частью истинной человечности, должно было возникнуть в человеке. Средневековье и было тем временем, когда это чувство возникло; это было временем, когда померкло то древнее сознание, которое никогда бы не стало свободным. Ибо человек, взирая на то, кем он был как душевное существо среди других духовных существ в доземном бытии, чувствовал себя зависимым, несвободным. Можно сказать: настало время сумерек древнего ясновидения, и в сумеречном состоянии по отношению к духовному миру человечество развило чувство свободы, которое достигло определённого кульминационного пункта в нашей современной цивилизации. Но это привело к утрате человеком способности взирать в те сверхчувственные миры, из которых Христос сошёл в Иисуса из Назарета. И, таким образом, христианское

почитание стало традиционным. Опирались на историческое предание, обращались к унаследованному, древнему почитанию гуру. И к прошедшему Мистерии Голгофы божественному существу могли таким образом направить всю способность почитания, которого человек достиг по отношению к божественному; однако по мере развития человеком в сумеречном состоянии сознания естествознания, которого в древности ещё не было, он всё больше отдалялся от представления о познании духовного мира.

Но то духовное познание, о котором я говорил вчера, представляет собой действительное продолжение познания природы. И всё, что подступает к человеку, когда он посредством медитации и концентрации, познавая поднимается в духовный мир, развивается с особенной силой, когда он не остаётся привязанным к тому, что говорит естествознание о внешнем мире а внутренне стремится соединить воспринятые мысли, как совершенно точные и научные, со своей внутренней человечностью. Тогда наступает некое, вначале неопределённое настроение, состояние души. Если человек соединит с ним медитацию, концентрацию в мире мыслей и мире воли, то душа возводится, как я говорил вчера, в духовные, в сверхчувственные миры. Этим достигается возможность понимания того, чем является сверхчувственный мир. Человек учится поднимать взор от земли, о которой учит естествознание, к соотносящемуся с Землей сверхчувственному миру. Этот сверхчувственный мир должен мыслиться с Землей, если хотим понять на Земле человека.

И тогда в глубинах внутренней жизни стремящегося к познанию антропософа возникают глубокие и значительные вопросы, а когда он ищет на них ответы, они вновь ведут его к пониманию и Мистерии Голгофы.

С одной стороны, подняв сознание от Земли и достигая восприятия вне тела, человек учится созерцать духовное и, как я говорил вчера, даже действовать в идеальной магии. Словом, в этом свободном от тела состоянии он учится входить в духовный мир с познанием и волей.

Когда, вооружённый этим внутренним пониманием духовного мира, человек вновь обращает взор ко Христу, к тому, что в ряду земных событий предстаёт как Мистерия Голгофы, то в отличие от многих современных теологов он не задерживается на человеке Иисусе из Назарета. Ибо он теперь понимает событие Мистерии Голгофы не только в материалистическом смысле, а в результате усвоенной способности духовного видения видит человека Иисуса из Назарета пронизанным божественным Христом. Со способностью духовного познания достигается возможность вновь увидеть во Христе духовно-божественное. И, таким образом, именно эта современная теософия, достигающая духовно - божественного в непосредственном познании и оснащённая этим познанием, может направить взор к Иисусу из Назарета и вновь познавать в нём Христа, который может быть познан только как духовное существо. С завоёванным о сверхземном познанием достигают Христа, достигают того, чтобы в самом Христе видеть сверхземное, видеть божественное в Богочеловеке.

Современная антропософия через полное постижение духовного мира вновь приводит человека ко Христу. И приводит она его к Нему именно тогда, когда он подготовлен таким образом. Я поясню это на примерах правильного и ошибочного подхода к духовному миру. Можно сказать, что современными последователями тех, кто некогда под влиянием мистерий в приглушённом сознании мог созерцать определённые состояния доземного бытия и в этом пониженном сознании в жертвоприношении хотел вознести духовное вверх к божественному, являются те, кто хочет установить связь с духовным миром очень сомнительным способом. Тогда у этих благочестивых людей внешняя душевная жизнь оставалась в душевном, они направляли свои душевные органы чувства к сверхчувственным мирам. Это благочестивое настроение продолжается как христианское в тех благочестивых людях, о которых я говорил в начале этого доклада и которые хотят остаться при этом наивном благочестии. Оно сегодня наивно потому, что человек уже не направляет взор к сверхчувственному бытию в силу своего естественного сознания и не возводится в отличие от учеников древних гуру в сверхчувственные миры, а остаётся в своём физическом теле на Земле. Для этого наивного благочестия характерно то, что оно остаётся при чувствах и ощущениях, которые переживает душа, погружаясь в себя, в свою собственную человечность. При погружении в собственную человечность человек приходит к знанию, что в физическом теле содержится не только плоть и кровь, но и, конечно же, духовное. И это духовное, которое благочестивый человек хочет направить к божественному, хотят как медиумы привести сегодня в действие те, кого я назвал ложными последователями учеников древних гуру.

Что же такое медиумическая личность? Это та личность, которая даёт духовному говорить или писать из физического тела, или же возвещать о себе каким либо иным способом. То, что медиумы выражают, пишут или говорят, находясь, как и ученики древних гуру, в приглушенном сознании, свидетельствует о том, что человеческое тело является не только

физическим, но из него говорит духовное, но духовное механическое, духовное более низкого рода. Эти медиумические личности хотят не только непосредственно в своём теле переживать духовное, но и открывать его в себе. И когда медиум говорит или пишет, то на самом деле говорит живущее в теле духовное. В чём особенность таких медиумов и их откровений по отношению к божественному? Эта особенность в том, что они - может быть вы это знаете - становятся говорливыми, они пишут много и с удовольствием, много и с удовольствием говорят, но к тому, что дух сообщает посредством тела, примешивают много сомнительного с точки зрения обычной логики. Эти медиумические личности свидетельствуют о том, что мы не должны обращаться к старым способам соединения с божественно - духовным, но искать другие пути.

Этот другой путь ищет антропософская духовная наука. И есть причина, по которой мне, быть может, позволительно говорить о нём. Этому другому пути к духовному миру присуще очень серьёзное отношение к результатам естествознания, которые принимаются как-значительные достижения новейшей цивилизации; на этом пути к духовным мирам невероятно трудно пользоваться органами речи, мыслями, или пытаться писать как медиум. Когда человек посредством медитации, концентрации бывает охвачен в себе тем духом, о котором я говорил вчера, то сначала он предпочитает хранить молчание. Медиумическая личность становится говорливой и даёт через речевую организацию звучать из себя духовному, а добросовестная, естественнонаучно образованная личность, охваченная духом для сверхчувственного познания, предпочитает замолкнуть, не говорить о том интимном переживании, которое даёт знать о себе в душе. Даже появляется желание наложить запрет на свои мысли, ибо мыслить человек научился на физически-земных вещах. Нет желания дать мыслям течь, струится в душе, поскольку появляется страх, что привлечённые от внешних физически - чувственных вещей мысли полубессознательно будут обращены на духовное, которого достигают посредством того внутреннего состояния, о котором я говорил; так как полагают, что это духовное, когда направляют на него мысли, не только ускользает от человека, но и происходит его профанация, искажение. Меньше всего желают обратиться к письму, так как мы знаем, что в то древнее время, когда почитание Бога переводилось в деятельность посредством жертвоприношений, посредством включений человеческого тела, не обращались к письму. Письменность возникла вместе с направленным на чувственно-физическую природу интеллектом и рассудком; письмо воспринимается охваченным познанием божественно-духовного человеком как нечто, от чего сначала хотелось бы держаться как можно дальше. И, таким образом, человек, охваченный познанием божественно-духовного, сверхчувственного мира, налагает сначала обет внутреннего молчания на свои мысли, на свою речь и отказывается от желания написать что-то о божественном.

Я сказал, что могу говорить именно о таком опыте, так как это мой опыт. Этот опыт я обрёл на пути развития, который я прошёл от естествознания к постижению духовных миров, к видению духовных миров и далее - к узрению Мистерии Голгофы. Однако вы поймёте, что на пути этой современной духовной наукой к Мистерии Голгофы встречаются трудности. Мистерия Голгофы должна быть познаваема во всём своём величии, с которым она открывается в истории человечества. Надо научиться взирать на исторический факт прохождения Бога через смерть на Голгофе в человеческом теле Иисуса из Назарета. Надо взирать на величайшее историческое событие в образе, полностью свободном от чувственного. Однако к этому свободному от чувственного постижению того же самого в мыслях, к передаче через письмо чрезвычайно трудно пробиться на том пути, которым иду я.

И на этом пути усваивается внутреннее почитание, внутренняя робость перед Великой Мистерией, которая разыгралась на Голгофе. На душу того, кто описанным образом замолкает в своих мыслях и словах, желая замереть, когда божественно-духовное в нём подводит его к Мистерии Голгофы, изливается нечто. На душу этого человека изливается чувство глубочайшего почтения: робость мешает приблизиться к Нему. Так антропософский путь становится не только познанием. Сначала это познание, познание в видении сверхчувственных миров, однако оно изливается в чувство и становится благоговейным почитанием. Становится тем, что охватывает человеческую душу гораздо глубже, чем что-либо и когда-либо охватывало человека, чем то, что чувствовал ученик к своему гуру. И это чувство сначала выражается в глубочайшей потребности познания Христа Иисуса на Голгофе. Посредством внутренней метаморфозы души то, что было сначала сверхчувственным видением, преобразуется в чувство. И это чувство ищет на Голгофе Богочеловека. И оно находит Его, ибо научилось видеть духовное. Оно говорит не о человеке Иисусе из Назарета, а научается познавать этого человека Иисуса из Назарета, научается познавать и то, что в земной жизни в Нём действительно виден Христос как духовно-божественное существо. И таким образом из антропософской духовной науки изливается познание духовного Христа, истинное почитание

божественным посредством того, что может жить в познании сверхчувственной жизни.

Как может это привести к оплодотворению христианства, я вкратце изложу в третьей части, когда переведут вторую.

Именно тот, кто описанным образом, охваченный силой сверхчувственного познания, хотел бы молчать, не хотел бы использовать свой организм для выражения того, что живёт в нём, именно он при переходе - когда решает внешне заговорить о том, что живёт в нём - переживает нечто, что даёт ему право говорить о духовной природе Христа Иисуса. Вот что переживают при этом переходе, когда приходят к решению: ты мыслишь теперь в мыслях духовное, ты говоришь о духовном, ты пишешь о духовном; переживают вот что: для всякого говорения и мышления об этом духовном чувствуют себя извлечёнными из физического тела. Тогда не представляется возможным мыслить и говорить, ибо как для мышления, так и для говорения необходимо физическое тело; однако чувствуют себя определённым образом отстранённым от своего физического тела. В то время как медиумическая личность чувствует себя полностью внутри физического тела, даже гасит сознание, что жить только в физическом теле и давать говорить духовному; в отличие от него сверхчувственно познающий поднимает своё утончённое и усиленное сознание из физического тела ввысь. Физический мир в результате переживаний им духовного мира становится для него чрезвычайно трудным: он не находит своей речи, наивной деятельности своего мышления, он не находит своих рук, всего своего физического тела. Надо заново найти этот физический мир, заново найти мысли и речь для того, что переживается в сверхчувственном мире. Приходится вновь, во второй раз завоевывать себе жизнь, как бы пройти через сотворенное самим для себя рождение. А это даёт возможность познать глубины человеческого существа. Ибо когда человек во второй раз охватывает своё существо, чтобы сделать его инструментом мышления и высказывания духовного, сверхчувственного, происходит и познание этого существа. И теперь, познавая его тем же родом сверхчувственного познания, о котором я говорил вчера и сегодня, знают: если человек сверхчувственным познанием проникает в свой организм, то и тут он находит прошедшего через Мистерию Голгофы Христа. И теперь познают не только сошедшего однажды на Землю и прошедшего через смерть Христа, но и переживают Христа, который прошёл через смерть для того, чтобы с этих пор излиться в человечество, во всё человечество, так что человек может найти Его, если достаточно глубоко проникнет в свое собственное существо. Это переживает тот, кто ещё раз сверхчувственно и ещё глубже охватывает свое тело. И это завоеванное познание Христа он может облечь в слова, содержащие истинное благовестие о Христе. Ибо он знает: Христос умер на Голгофе, Он посредством смерти излился в силы рождения человека и живёт с тех пор в человеческом существе. Его могут найти те, которые достаточно глубоко проникнут в своё существо. Следовательно, современный посвященный знает, что слова ап. Павла: "Не я, но Христос во мне" - являются глубокой истиной. Я нахожу Христа в себе, когда достаточно глубоко вхожу в свою человечность.

Тогда посвященному, чтобы привести к христианству, не нужно делать посвященными всех, тогда он, вооружённый этим познанием Христа, находит новые пути и для наивного, простого благочестия. Это простое, наивное благочестие может найти Христа. Пути сегодняшнего благочестия должны быть несколько иными, чем пути древнего, открывающегося у ног гуру благочестия. Оно должно быть внутренним, ибо человек для достижения божественного больше не должен направлять поток своих ощущений в сверхчувственный мир, но должен проникнуть в себя, чтобы найти в себе живущего со времени Мистерии Голгофы на Земле Христа. И когда простой благочестивый человек поднимается вверх благодаря тому, что на основе антропософской духовной науки ему может быть сказано: если ты, довольно глубоко проникнув в себя, найдёшь Христа, Он не будет иллюзией, Он не иллюзия, Он в твоих глубинах, ибо сошёл в твои глубины благодаря смерти на Голгофе - тогда антропософский духовный исследователь знает, что говоря так простому благочестивому человеку, он говорит истину, что он обращается не просто к чувствам, но может показать ему цель, которой может достичь и простой благочестивый человек. И, таким образом, идти современными путями могут и просто благочестивые люди. И если раньше посредством почитания гуру развивались прозрачные мысли, образовывалось божественное звучание мантр, жертвенный жест, то сегодня тот, кто хочет найти в современном смысле путь ко Христу, прежде всего должен стремиться к углублению души. Он должен научиться смотреть в свое внутреннее, переживать в своём внутреннем нечто, когда отвращает взор от внешнего мира. И тут он может ту силу, которая проводит его через врата смерти, когда он находит её тут на Земле в отдаче Христу и Мистерии Голгофы.

В древности гуру говорил ученикам и всем людям: когда вы пройдёте через врата смерти, встретите Высокое Солнечное Существо, Которое уравнивает несовершенства Земли. - Современный учитель говорит: если вы тут на Земле достигните отношения к сошедшему

Христу, если со всем внутренним почитанием, внутренним благоговением, углубленной душевной жизнью найдете на Земле ваше отношение ко Христу и к Мистерии Голгофы, тогда в ваше внутреннее изольётся сила, которая не умрёт с вами, а которую вы пронесёте через врата смерти и которая совершит с вами то, что не может совершиться тут на Земле, пока вы носите физическое тело. То, что в древности совершалось с человеком Высокое Солнечное Существо, это совершит с вами сила Христа, когда останетесь в вашем существе, ставшем после смерти свободным от тела. Сила Христа будет действовать на Земле в том, что ещё несовершенно в человеке, и людям будет дана возможность найти на Земле друг друга в этом признании Христа в социальной жизни. - Ибо то, что пронизывает их силой, как силой изливающейся из Христа, может быть освещено учением антропософской духовной науки; эта сила может вступить в деяния, в волю человека, может стать импульсом к волевым действиям и таким образом излиться в социальную жизнь. В социальную жизнь могут вливаться Силы Христа.

Да сегодня много говорят о социальных реформах, о социальном прогрессе. Кто же будет великим реформатором социальной жизни, когда люди в социальной жизни будут действовать по поручению Христа, чтобы мир был пронизан Христом? Кто же будет великим социальным реформатором, который может установить мир в социальных распрях? Им может быть только Христос, если люди смогут достичь такой социальной жизни, которая в определённые моменты станет посвятельным действием, когда они, обращая взор ко Христу, не будут говорить "Я", но скажут: "Если двое, трое или больше соберутся во имя Христа, то Христос среди них". - И социальная деятельность станет жертвенным священнослужением, она продолжит то, чем было древнее культовое служение. Христос, действуя сегодня оживляюще в человеческом существе, должен Сам стать великим социальным реформатором.

Пронизывание социальной жизни Христом имеет и другую сторону. А теперь я спрошу вас: возможно ли то, чего так страстно желают люди, чего так страстно желает благочестивый человек - что он найдёт в своей душе силу Христа, что он, действуя в социальной жизни, может обнаружить, что действует по поручению Христа, а его поступки являются поступками совершёнными по поручению Христа? Может ли этот благочестивый человек достигнуть уверенности в своих действиях, если современный посвященный придёт к нему и скажет: да, это так, из смерти на Голгофеизошло то, что ты можешь найти посредством твоего наивного внутреннего душевного благочестия, что ты можешь найти, когда осмысливаешь себя и то, как Христос живёт в тебе. И это действительно течёт из Христа. И, осуществляя это в социальной жизни, ты сознаёшь, что действуешь из импульса Христа, что это действительно выполняется по Его заданию, поскольку Христос живёт среди людей, когда они находят Его. - И они находят его через самих себя, через осознание социальной жизни, так же, как они находят тогда истинную, самозабвенную любовь, которая наводит мосты от сердца к сердцу и вносит в чувство сверхчувственный элемент, как светящийся изнутри свет вносит сверхчувственный элемент в познание.

И так простым благочестивым людям предоставляется возможность уже не говорить: нашему пути - по которому мы хотим идти только в простом благочестии - мешает познание, к которому стремится антропософская духовная наука. - Нет! Распространение чисто внешнего естествознания постепенно полностью затуманило и затмило это благочестие. Но благодаря тому, что антропософская духовная наука принесёт познание сверхчувственного и, следовательно, действительное познание Существа Христа, как сверхчувственного существа, может осуществиться страстное желание благочестивого человека: уверенность в том, что живёт в его душе, уверенность в том, что живёт в его руках, когда он, чтобы осуществить деяние Христа, действие в смысле Импульса Христа, действует ими с любовью. То, о чём тоскует именно благочестивый, сможет войти в мир как уверенность познания посредством того, чем хотела бы быть антропософская духовная наука. Поэтому она может сказать: она не является препятствием на пути действительно благочестивых людей она не уводит людей от Христа. Не вопреки современной науки стремится она в духовный мир, а вместе с ней и с уважением к ней. Поэтому она может сказать: человечество должно идти в будущее не без Христа, а с Христом, с действительно познанным, почувствованным и желающим своим существом действовать в мире Христом.